

Владимир СЕРЕБРО

Лилия Беленькая

В одной одесской семье 15 декабря 1931 года случилось очень радостное событие: родилась девочка, которой дали имя Лилия и которую всю ее жизнь родные, друзья и знакомые звали Лилей. В свое время точно такая же история произошла с именем ее мамы. Вот и была Лилия большая и была Лилия маленькая.

Отец маленькой Лили — известный врач, впоследствии профессор Моисей Самойлович Беленький, а мать — психолог, доцент Одесского университета Лидия Яковлевна Ландесман. Когда малышка родилась, семья была большая. В нее входили младший брат Лидии Яковлевны Миша и их родители: отец — доктор Я.У. Ландесман, мать — доктор Т.А. Шапиро. Оба доктора были очень популярны у одесситов первой половины XX века, да и нынешним читателям Константина Паустовского и Аркадия Гайдара эти имена знакомы. Доктор Ландесман состоял в родстве с архитектором Семеном Андреевичем Ландесманом, по проектам которого в Одессе построено немало интересных зданий.

Если попытаться кратко охарактеризовать семью, в которой Лиленька выросла, то можно сказать так: светскость, профессионализм и широта общекультурных интересов и просвещения.

В 1940 году в моем втором классе школы № 3 появилась новенькая. Учительница усадила ее и меня за одну парту. Так моей соседкой оказалась маленькая, ясноглазая и белокожая девочка по имени Лилия. Мне она сразу понравилась. Нет, нет — это вовсе не то слово, ведь я тогда его еще не знал, оно слишком взрослое. Просто мы довольно быстро подружились. Она тогда часто пропускала уроки из-за большой печени, а я, возвращаясь из школы, регулярно приносил ей домашние задания.

Мой путь в школу был не длинный, и пролегал он мимо дома, в котором семья соученицы занимала большую квартиру. Там у нее была своя комната спартанского вида: узкая кровать, старинный письменный столик на тонких гнутых ножках, а над ним — полочка для книг. На стенах — ничего. Я, жилец душной коммуналки, очень любил Лилину квартиру: меня поражали простор, обилие книг, картины, старинная мебель, салфетки в кольцах на обеденном столе, наконец, музейные пистолеты и кинжалы на стене отцовского кабинета. Конечно, трогать оружие детям не разрешали, но когда взрослых рядом не было... Кстати, ее родители мне очень нравились. Они всегда были приветливы. В их отношении ко мне чувствовалось тепло и забота.

Квартира Лили располагалась в бельэтаже трехэтажного дома. Окно детской выходило на улицу. Поэтому, возвращаясь из школы, я нередко пробирался к подруге через открытое окно. Это было совсем не трудно: перед окном наличествовали металлические перила, ограждающие окна полуподвальных квартир. Девичьи игрушки меня интересовали мало, да и было их немного. Почему-то совсем не помню кукол. Другое дело — книги... В моем милым сердцу доме я узнал о сериях детских дореволюционных книг под названием "Серебряная библиотека" и "Золотая библиотека", а также о книжках наших современников: Чуковского, Маршак, Барто, Гайдара и других. Лилия восторгалась такими разными книгами, как, например, "Маленький лорд Фаунтлерой" и "Тимур и его команда". Дореволюционные детские книги — это наследство матери, а после революционные — это уже результат ее заботы.

Приближалось лето 1941 года и с ним — наши с Лилей первые совместные каникулы. Ее семья готовилась к переезду на дачу, а я — к поездке к бабушке, которая жила в местечке, расположенном на берегу Днестра. Но планам этим сбыться не удалось, так как началась война с фашистской Германией, а с ней — эвакуация. Моя семья, кроме отца, который остался в Одессе, в народном ополчении, оказалась на Кавказе, а Лилина — в Средней Азии. Перед расставанием на долгие и тяжелые военные годы нам с Лилей даже не удалось проститься. В течение всей войны мы ничего не знали друг о друге. Но я никогда не забывал Лилию и мечтал о нашей с ней послевоенной встрече. Что это было — не знаю. Возможно, первые всходы любви в детско-юношеской душе или даже предчувствие судьбы. Когда же мне, недолго жившему после войны под Москвой, представилась возможность провести несколько дней в родном городе еще до возвращения туда всей семьи, радости моей не было предела.

Итак, летом 1946 года я оказался в Одессе: туда меня привез папин брат. Вся дорога в пассажирском поезде в город детства я только думал о том, где и как буду искать Лилию. Решил, что начну с ее городской квартиры. Благо, ее

дом находился в двух минутах ходьбы от моего доверенного дома, он углом выходил на мою же улицу. Лилин дом был частично разрушен, но, к счастью, не пострадал флигель, расположенный на поперечной улице, а именно там находилась квартира соученицы. Когда я подошел к двери и увидел таблички с фамилиями, мое сердце стучало так громко, что, казалось, звонок ни к чему, меня и без него услышат. Недолго постоял у двери, чуть-чуть успокоившись, нажал кнопку звонка. Дверь открыла Лидия Яковлевна.

Отец Лили встретил меня у двери своего кабинета. По всему видно было, что он куда-то торопится. Он обнял меня и сказал:

— Я убегаю. Встретимся на даче.

Лидия Яковлевна пояснила:

— Лилия с бабушкой и помощницей по хозяйству живут на даче. Меня и Моисея Самойловича в городе задержали дела, но к вечеру и мы там будем. Дача находится на Французском бульваре, 53, ее номер 26. Остановка трамвая называется "Институт Филатова". Поезжай туда. Лилия будет тебе рада.

При моем появлении Лилия и ее бабушка были немало удивлены. Лилия меня, конечно, узнала, но особой радости не выказала. Вначале ее лицо, казалось, говорило: "Подумаешь, приехал! Радость большая!" Это была характерная реакция девочки ее возраста на ровесника противоположного пола. Но вскоре ее взгляд потеплел.

Так произошла наша первая послевоенная встреча. Ее особенностью в том, что были мы в возрасте Ромео и Джульетты. Да-да, нам было тогда по 14 лет.

В те дни стояла солнечная и безветренная погода, как емко говорили горожане — пляжная погода. Поэтому девочка из моего детства вскоре потащила меня к морю. Берег был близко, и шли мы к нему в сугубо пляжном виде. Лилина миниатюрная и выразительно очерченная фигурка выглядела очень привлекательно, а ее белая кожа выделялась даже на фоне золотистого прибрежного песка. Оказалось, что плавала она здорово — изящно и далеко. Я же тогда плавать не умел вовсе, что повергло меня в глубокое смущение.

После пляжа нас вкусо накормили, и мы, немного отдохнув на даче, побрели на волейбольную площадку. Там уже шла игра. Лилию в игру легко приняли. Она в ней неплохо себя чувствовала. Я же был посрамлен еще раз: до того никогда не держал мяча в руках.

Потом мы довольно долго гуляли по бульвару, а когда совсем стемнело, возвратились на дачу. Прощаясь, условились следующий день провести в городе. Там мы, не замечая бега времени, гуляли по хорошо знакомым центральным улицам. А когда утомились, пошли в маленький кинотеатр. Я был настолько поглощен своей партнершей, что названия фильма не помню. Память сохранила только, что мы купили леденцы в магазине, расположенном рядом с кинотеатром. После кино я проводил Лилию на дачу. Подобным образом мы провели и третий день. Прощаясь, мы пожали друг другу руки. В нашем скромном прощании не было ничего удивительного, ведь мы были детьми XX века, точнее — первой его половины. И наш первый поцелуй — это событие более позднего времени...

Вскоре я возвратился в свое Подмосковье. А через год моя семья переехала в Одессу и поселилась в нашей прежней комнате. С тех пор, с осени 1947 года, мы с Лилей больше никогда не расставались... А наши встречи по частоте перешли к довоенному режиму, но вот заходить к ней в гости через окно я перестал. С возрастом изменились наши интересы и вкусы, появились знания и родилось — будем скромны и скажем: некоторое понимание правильного поведения.

Необычайно богатый внутренний мир Лили Беленькой проявился очень рано, еще в школьные годы. Ее манерой общения с ровесниками можно было восхищаться. Для них ее дом был открыт постоянно. Вот почему у нее никогда не было недостатка в подружках, друзьях и даже поклонниках. Молодые гости горячо спорили там о литературных течениях Серебряного века и первых лет Советской власти, обменивались книгами и впечатлениями о прочитанном. До хрипоты обсуждали новинки кино, театра и музыки. Нечто подобное продолжалось и в студенческие годы. Одно вытекает из другого.

Ее музыкальные вкусы и пристрастия проявились тоже очень рано. Основной их всегда была классическая музыка, а в ней она отдавала предпочтение пианизму. Но она не была равнодушна и к легкой музыке, точнее — к некоторым ее направлениям, наименее удаленным от классики. Примером может служить цикл песен "Дежа во" И. Крутого в исполнении

Д. Хворостовского. Незадолго до смерти Лили прослушала несколько раз этот цикл. Рождение бардовской музыки она встретила с интересом, и с какой-то заметной душевной сопричастностью. Объяснить это могла меньшим или большим философским наполнением текстов бардовских песен. Она длительное время пребывала под сильным впечатлением от концерта Окуджавы, который прослушала в Зеленой гостиной Одесского дома ученых.

При всех несомненных способностях дочери родители ее совсем не баловали, они воспитали в ней чрезвычайную скромность. Даже платье на выпускной школьный бал ей перешли из маминого. Она никогда не носила маминых украшений, конечно, не пользовалась никакой косметикой, иначе — неприлично, не принято.

От родителей Лили унаследовала очень многое, в том числе — к русскому языку и литературе. Маме казалось, что для развития литературного вкуса дочери-подростка недостаточно небольшой домашней библиотеки, активно пополняемой книжными новинками и регулярно — несколькими литературными журналами. Поэтому она организовала у себя дома юношеский литературный кружок, пригласив в качестве его руководителя свою любимую преподавательницу по университету доцента-филолога З.А. Бабаичеву. Лилины школьные друзья-старшеклассники посещали кружок охотно, с интересом.

Сама же мама всю свою жизнь увлекала дочь глубиной собственных знаний и понимания или, скорее, ощущения феномена поэзии. Она относилась к тем, кто считает поэзию прямым выражением духа, кто видит в поэзии инструмент людского единения.

Нельзя не вспомнить, с каким вниманием Лилия еще в школьные годы слушала рассказы Моисея Самойловича о встречах и разговорах с писателями и актерами, среди которых были известные имена: Ахматова, Бабель, Всеволод Иванов, Бруштейн, Яблочкина, Пашенная, Рыжов, Берсенев и многие другие; и воспоминания о рукописных литературных журналах, которые он в юные годы делал со своими братьями. При этом приятно было следить за поразительным умением дочери слушать и впитывать. Качества эти она пронесла через всю жизнь.

Серьезные знания литературы, тонкость вкуса и образность речи Лилии отмечали не только родные и знакомые, но и школьные учителя. Ее школьные сочинения обращали на себя внимание. И всем казалось, что путь девочки к высшему образованию лежит через филфак университета. И она об этом мечтала. Но беда в том, что ее юношеские годы пришлось на времена, когда в стране путь евреем к получению гуманитарного образования, особенно в университете, был почти наглухо закрыт. Поэтому Лилия поступила на химфак университета, который окончила в 1955 году.

Страстную любовь к литературе, да и культуре во всем ее многообразии Лилия пронесла через всю жизнь. Этому способствовали как традиции родительского открытого дома, так и обаяние ее натуры. Здесь речь идет о ее личных встречах, разговорах и даже дружбе с известными и интересными людьми. Ограничусь несколькими примерами.

Когда Лиле было 11 лет, она познакомилась с Анной Андреевной Ахматовой. Произошло это в Ташкенте, куда их забросило военное лихолетье. После войны она стала счастливой обладательницей "Поэмы без героя". Это были машинописные страницы с авторской правкой. Они, пожелтевшие от времени, оказались предметом особой радости и бережного хранения. Там же и в те же времена она брала уроки английского языка у Надежды Яковлевны Мандельштам. И таких уроков было немало.

В молодом возрасте Лилия посещала в Переделкино семью писателя, драматурга Всеволода Иванова, где нередко встречала именитых переделкинских соседей и гостей: Пастернака, Нейгауза, Андроникова и других. Там же художник Михаил Иванов-Бабель подарил ей свой этюд маслом с изображением местной церкви. Вот что писала Тамара Владимировна Иванова, супруга писателя, большой Лиле в одном из писем 1965 года:

"Привет от меня Лиле ("маленькой"), — В. С.) и Вам, и ей кланяются Кома (ныне акад. Вячеслав Иванов, — В. С.) и Миша".

Упомянув церковь, нельзя не рассказать, что Лилия была знакома с Патриархом всея Руси Алексием I. Было это еще в ее студенческие годы. В то время Патриарх обращался за медицинской помощью к ее отцу. Общалась она с Его Святейшеством в патриаршей летней одесской резиденции и в его московской квартире. Рассказывая об этом, Лилия всегда подчеркивала очень деликатную и даже сердечную

манеру ведения Патриархом разговора. Факт общения еврейской девушки с главой Православной церкви сам по себе примечателен. И он много говорит об обоих собеседниках. Воспоминания об этих встречах доставляли Лиле большое удовольствие.

В 1956 году вышла из печати автобиографическая повесть А.Я. Бруштейн "Дорога уходит в даль...". На первом издании повести, подаренном одесскими друзьями, ее автор написала: "Дорогим Лидии Яковлевне, Моисею Самойловичу и великолепному Кочерыжину!" "Великолепным Кочерыжиным" она называла давно полюбившуюся ей Лилию. Замечу, надпись была сделана в тот год, когда ее любимица стала мамой.

В одном из писем 1968 года ироничная Александра Яковлевна писала Лидии Яковлевне:

"...ничего не знаю о милой моему сердцу Кочерыжине, о которой всегда с умилением вспоминаю, как она писала в письме к своему двоюродному брату: "У нас большая радость — Александра Яковлевна (это — я!) ослепла и скоро приедет в Одессу лечиться".

Однажды в начале 90-х годов прошлого века в нашей квартире раздался телефонный звонок. Звонил сын Константина Паустовского Вадим. Целью его появления в Одессе был сбор материалов об одесском периоде творчества отца для музея писателя и в связи с подготовкой к печати очередного издания книги "Повесть о жизни". Разговор закончился просьбой о встрече с ней, внучкой доктора Ландесмана, в санатории которого жил Константин Паустовский. Приглашение Вадим получил. В течение целого вечера мы вели разговоры об обстановке в Одессе в то далекое время (1920 — 1922) и, конечно же, о санатории. Лилия показала ему все, что у нас было: рекламный буклет санатория и столовые ложки, на которых выгравирована фамилия владельца санатория. Хотя буклет был у нас в единственном экземпляре, Лилия его подарила гостю. Он был очень доволен. Сказал, что выставит в музее Паустовского.

Упомянутая выше книга К. Паустовского вышла из печати в 1993 году. В послесловии к ней Вадим выразил благодарность нескольким одесситам за предоставленные ему материалы. Среди них — и Л.М. Беленькой.

Что же касается развития Лиленькиных художественных вкусов и хороших знаний искусств, то это заслуга ее папы. Во-первых, он был хороший рисовальщик, хотя и самоучка. Любил рисовать карандашом и пером. И рисовал много. Его рисунки семья бережно сохраняет. Некоторые из них даже опубликованы. Во-вторых, он понимал и любил живопись. В его кабинете и других комнатах висело несколько картин известных и неизвестных, но, несомненно, мастеров. Кроме того, он был неравнодушен к прикладному искусству. В частности, доктором была собрана неплохая коллекция курильных трубок.

Лилия всю жизнь следила за выходом в свет художественных альбомов и книг по искусству. А посещение музеев, галерей и выставок было для нее всегда настоящим праздником.

Сильно забегая вперед, позволю себе рассказать историю, которая характеризует Лилию, как человека, знания которого в этой сфере приближались к профессиональному уровню. Были мы с ней как-то в гостях у одного из моих коллег по литейному НИИ. Там она обратила внимание на фарфоровую шкатулку, лежавшую на подзеркальнике. На ее вопрос хозяйка дома сказала, что предмет этот перешел к ней по наследству от мамы, что ее мама относилась к шкатулке как к вещи ординарной и потому хранила в ней недорогую бижутерию. Получив разрешение, Лилия шкатулку сначала долго рассматривала и потом сказала, что предмет этот далеко не простой: датируется серединой XIX века и изготовлен на хорошо известном фарфоровом предприятии. Кстати, фарфор — это тема ее особой страсти. На следующий день она подтвердила свое суждение ссылкой на один из справочников. Здесь уместно подчеркнуть, что атрибутизация предмета старины — достижение даже для профессионального искусствоведа!

В 1955 году Лиленька вышла замуж, и я, как этого события непосредственный участник, несую полную ответственность за все, что произошло в ее дальнейшей жизни. В дополнение к сказанному выше о скромности ее воспитания отмечу, что свадьбы у нас не было. В том же 1955 году мы оба начали работать: Лилия — на кафедре химии строительного института, я — на заводе. Все как положено: в следующем году у нас родился сын. Тогда-то забота о нем, да и все домашние дела легли в основном на Лилины плечи. Я же первые годы подолгу торчал в своем литейном цеху, а все вечера, вы-

ходные дни и даже отпуска расходовал на научные исследования.

Особенно ей трудно было, когда сынишка болел. Мы друг друга уговаривали: подрастет — будет легче.

А когда он подросток, надо было думать: как укрепить здоровье сына? И Лиля начала подбирать ему спортивные занятия. Сначала — волейбол. Неудачно. Потом — парусный спорт. Тоже неудачно. Прижился теннис. Но это случилось уже без родительского вмешательства и значительно позже, когда сын стал студентом университета.

Много внимания уделяла Лиля и гуманитарному развитию сына. Рассказывала ему о новинках культуры, обо всем, что в те времена волновало людей образованных и интеллигентных. Ее вечерние, перед сном, разговоры с ним — это обсуждение прочитанного, увиденного и услышанного. Нередко они выливались в забавные дискуссии. Мое же участие в расширении образования сына ограничивалось физикой и математикой. Подбирал ему и помогал в решении сложных задач, привозил из командировок новинки учебной литературы.

Усилия родителей принесли замечательные плоды: сын окончил с золотой медалью среднюю школу и одновременно две заочные очень престижные физико-математические школы — Московского физико-технического института и Харьковского университета. Но поступил в Одесский университет.

Шли годы. Мы выросли, но родители старели. Подкрались к ним болезни. Коварные и тяжелые. Затем пришла череда трагедий: сначала умерли мои, затем ее родители. И в эти тяжелые времена особенно проявились Лилины замечательные человеческие качества.

В марте 1972 года тяжело заболела моя мама. Вечером перед операцией у ее постели в больничной палате были ее муж, дочь, сын, т. е. я, и Лиленька, ее невестка. Мама в основном молчит, видимо, все ее мысли связаны с завтрашним днем. Молчит и папа. Он обычно немногословен, но на этот раз чувствуется, что он растерян и подавлен. Разговариваем только мы, дети. Пытаемся если не снять, то, по крайней мере, снизить уровень предоперационного волнения. Удастся это плохо. Вдруг заговаривает мама:

— Дорогие, у меня к вам просьба. Прошу только, чтобы она никого не обидела. Просьба моя такая: пусть в первую послеоперационную ночь около меня подежурит Лиленька.

Нервы у всех были напряжены до предела. Каждый думал об одном — как и чем помочь маме. Поэтому все поторопились заверить ее, что просьба будет безусловно выполнена. Так оно и было. На следующее утро после операции Лиля встретила меня в больничном коридоре. Ее заплаканные глаза все сказали...

В предельно опасной, экстремальной ситуации моя мама доверила свою жизнь не ближайшим родственникам — мужу, дочери, сыну, а невестке. Видимо, такое возможно при каких-то ее особых душевных качествах. Да, большой запас нежности и сострадания Лиля пронесла через всю жизнь.

Вся Лилина профессиональная жизнь была связана с кафедрой химии строительного института. Там она стала серьезным специалистом по очистке воды и строительным материалам. Подружилась, и довольно близко, вплоть до душевной общности, с некоторыми сотрудниками — как она их называла, кафедрами. А за свои дружелюбие и профессионализм с лихвой была награждена студенческой любовью. Благодарственные письма ее бывших студентов в течение многих лет — прямое тому доказательство. Один из них — министр водного хозяйства какой-то африканской франкоговорящей страны.

Когда моя жена была уже на пенсии, одна из бывших коллег по кафедре химии спросила ее:

— Вы столько лет замужем, неужели в вашей семье не было скандалов или ссор?

— Никогда ни ссор, ни тем более — скандалов.

— Как такое может быть?

— Мы с мужем всегда были перегружены работой и заботами о родных и близких. Нам было не до "выяснения отношений", да и причин для конфликтов не было, — ответила Лиля.

Я бы на такой вопрос ответил иначе. В наших чувствах друг к другу важная роль отводилась безусловному взаимному признанию внутри семейного лидерства. Иными словами, я ее считал лидером семьи, а она — меня. По мне, подобные отношения между людьми — отличный фундамент и для обычной человеческой дружбы.

В 1989 году наш сын со своей молодой семьей отправился в эмиграцию. Это решение было принято неожиданно и без нашего участия. И Лиленька перенесла его тяжело, можно даже сказать — болезненно. Наступило время редких телефонных разговоров сначала между Одессой и Римом, а позднее — Одессой и Нью-Йорком. А в промежутках — постоянные волнения. В каких условиях они живут? Что с работой? Как здоровье внуков? Как сложились их отношения с местной детворой? Вопросы были много — отпадали одни, возникали другие... Волнения не прекращались со вре-

менем, скорее — усиливались. И это отразилось, несомненно, на ее здоровье.

В 1991 году у нее случился инсульт. К счастью, не в самой тяжелой форме. Ее родителей уже не было в живых, но с некоторыми врачами — бывшими коллегами ее отца — и мы были знакомы. Они-то и оказали Лиле квалифицированную медицинскую помощь. Особую роль в этом сыграл отличный невропатолог и наш добрый знакомый Дима Вайсфельд. Лечение было трудным, а выздоровление — долгим: оно растянулось почти на три года.

Болезнь Лили, уход из жизни родителей, отъезд в эмиграцию многих друзей и, конечно же, сына с семьей породили в ней и во мне удручающее чувство одиночества. Результатом этого стало наше решение о воссоединении с семьей сына.

В трудное, бесконечно светлое по форме и алогичное по существу время Лиленька заняла жесткую позицию: с нами должно переехать все, что является интеллектуально-нравственным содержанием и отражением семьи. Не случайно на вопрос таможенника при отправке багажа: "Что ценное вы перевозите?" — она ответила: "Книжки и семейные бумаги". Таможенник с удивлением и даже с брезгливостью рассматривал какие-то пожелтевшие от времени рукописные странички и целые тетради, письма в надорванных конвертах, написанные разными почерками, дипломы об окончании Женевского и Дертского университетов, пачки и альбомы фотографий, карандашные и чернильные рисунки, оттиски научных трудов членов семейства.

В 1994 году мы оказались в Нью-Йорке. Там Лиля старалась обустроить наше жилье так, чтобы хотя бы некоторые стены комнат напоминали одесскую квартиру. И ей это удалось! Она всегда к своему дому относилась, как к храму...

Начало нашей жизни в эмиграции было относительно активным. Оно включало знакомство с городскими достопримечательностями, а их, слава богу, в Нью-Йорке немало, экскурсии в близлежащие города — Бостон, Вашингтон и Филадельфию, а также создание круга общения из людей, близких по миропониманию.

Только первое десятилетие эмигрантской жизни Лиленька, как говорится, "была на ногах", хотя и с целым букетом серьезных заболеваний. Второе десятилетие принесло ей новые болезни, в том числе и наследственную, от которой нередко умирали родственники по материнской линии. Тогда-то все другое, кроме Лиленькиного здоровья, потеряло для нас всякий смысл и стало нам совсем ненужным и... невозможным, например, связанное с поездками.

Со временем ей становилось все хуже и хуже. Она не только перестала двигаться, но и усилились боли в различных частях тела. К тому же из-за глаукомы пропало зрение левого глаза. Но она запойно продолжала читать, норма была — семь русскоязычных ежедневных газет Нью-Йорка. Наткнувшись в них на упоминание о новых книгах, призвала их заказать. Получив новинки, как всегда, в течение всей жизни, на титульных листах тщательно выводила: "Л. Б.". И прочитывала их одним взглядом! И все это — в полулежачем положении... Ведь она была заядлая книжница.

Последние 5 — 6 лет я никогда не оставлял ее одну. Всегда был при ней. Примерно год до смерти Лиленька вообще была прикована к постели. Так к ее физическим страданиям добавились и нравственные. Но, тем не менее, она никогда не говорила о смерти.

Когда она была в бессознательном состоянии, я подолгу сидел у ее кровати, прислушиваясь к ее дыханию, что-то говорил... Она не слышала меня, но, мне казалось, чувствовала мои руки. А я понимал, что она есть.

Последний раз в госпиталь она поступила первого октября 2013 года. Второго числа ее подключили к аппарату искусственного дыхания, а третьего октября в 2 часа 10 минут дня ее сердце остановилось.

Примерно через два часа нас, ее близких, впустили в больничную палату. Ее светлое, жемчужное лицо на фоне палатной белизны как будто покрыто серой пылью. Я не помню, как и когда я поцеловал ее впервые, это было давно, но хорошо помню и никогда не забуду, как я это сделал в последний раз. Это было там и тогда. Мои губы, коснувшись ее лба, почувствовали остатки уходящей жизненной теплоты...

Похоронена Лиленька на большом кладбище, расположенном в живописном холмистом месте, поросшем могучими дубами. Под сенью одного из них на склоне холма она нашла свое упокоение.

Кто она для меня? Не скрою: смысл жизни. Она сделала мою жизнь счастливой. Вот почему не только в памяти, но и в душе, в каждой клеточке моего тела жить она будет вечно. Что нас объединяло? Да всё — любовь, дружба, преданность, обостренное чувство долга, любознательность, страсть к познанию и, наверно, еще что-то, что делает семейную жизнь счастливой.

Ее уход — это закрытие тяжелой дубовой двери нашего одесского открытого дома. Закрытие со скрежетом. И — навсегда...

Памяти Аркадия Креймера

Всемирный клуб одесситов с глубоким прискорбием сообщает, что 27 ноября 2014-го, на 69-м году жизни, от нас ушел заместитель директора ВКО, секретарь Президентского совета клуба, Почетный одессит Аркадий Евсеевич Креймер.

А.Е. Креймер родился 30 августа 1946 года в Одессе. Окончил Одесский инженерно-строительный институт, работал много лет инженером, учителем, воспитателем. Более десяти лет был главным инженером объединения "Рыбагросервис".

С 2006 года — заместитель директора Всемирного клуба одесситов.

Аркадий Евсеевич был человеком невероятной доброты. Он был абсолютной бескорытен. Присущая ему общественная активность нашла свое применение именно в клубе одесситов; здесь его человеческие и душевные способности достигли полного расцвета.

Он был автором множества идей, связанных с сохранением культурных традиций Одессы, активнейшим образом участвовал в их реализации. При его непосредственном участии увидели свет такие электронные проекты клуба как "Одесса в памятных документах", "Они оставили след в истории Одессы"; активно участвовал в создании в Одессе памятника Исааку Бабелю.

Многие юные одесситы навсегда запомнят лекции "Одесса — мой город родной", которые в последние годы каждую неделю им читал Аркадий Евсеевич.

Ни для кого в Одессе и везде, где живут одесситы, не было секретом, что Аркадий Креймер был душой клуба. Его радушие и гостеприимство, умение находить дружеский контакт с каждым во многом и создавали ту атмосферу уюта и обаяния, которой на протяжении вот уже более 20 лет славится Всемирный клуб одесситов.



Мы знали, что Аркадий Евсеевич не очень здоров, и иногда пытались предостеречь его от излишних нагрузок. Он на это только улыбался и, как все настоящие одесситы, мягко просил "не морочить ему голову".

Он бы без нас, как нам кажется, все-таки как-то смог.

Нам же без него будет очень трудно.

Будем помнить...

Выражаем искренние соболезнования семье Аркадия Евсеевича.

Президентский совет ВКО.

Скончался Георгий Голубенко

С глубоким прискорбием сообщаем, что в ночь на 1 декабря 2014 г., на 68-м году жизни, скончался писатель, драматург, сценарист, Заслуженный деятель искусств Украины Георгий Андреевич Голубенко.

Когда речь идет о таком известном в Одессе, любимом ею человеке, сухие слова протокола не отражают те беду и печаль, которые постигли наш город.

От нас неожиданно ушел, нас безвременно покинул любимый не только друзьями, но и всей Одессой просто Гарик. Это именно он на протяжении практически всей жизни пел гимн своему любимому городу, хранил и продолжал его великие культурные традиции, развивал и приумножал его немеркнущую литературную славу.

Его претерпевшая несколько изданий знаменитая книга "Рыжий город" вслед за "Одесскими рассказами" Исаака Бабеля уже давно вошла в золотой фонд произведений об Одессе.

Его выдающийся комедийный талант проявился еще во времена, когда он был студентом Одесской консерватории; на ее знаменитые капутники лопился весь город.

А приход Гарика Голубенко в одесскую сборную команду КВН в начале 70-х и особенно его авторское участие в выступлениях первой команды "одесских джентльменов" в середине 80-х во многом и обеспечили те блестящие победы одесситов, которые уже вошли в историю.

Это именно в пятой комнате Одесского дворца студентов, где Гарик работал художественным руководителем, и родилась осенью 1972 года идея одесской Юморины, окончательно закрепившей за Одессой звание столицы юмора.

Это именно он был инициатором написания пьесы об Одессе "Старые дома", которая с музыкой Оскара Фельцмана и стихами Роберта Рождественского шла в десятках музыкальных театров страны, за рубежом и более десяти лет не сходила со сцены в Одессе.

Им вместе с соавторами и самостоятельно было написано до десятка прекрасных комедий, таких, в частности, как "Король скрипачей", "Королева Молдаванки", "Таланты и полководцы", "Кабаре Бени Крика" и многие другие.



Это именно он вместе с режиссером Юлием Гриншпунном создал знаменитый в Одессе и везде, где сегодня живут одесситы, шоу-театр "Ришелье".

Это именно по его сценарию был снят полюбившийся зрителям по-настоящему одесский фильм "Улыбка Бога".

Знаменитые одесские театральные капутники 70 — 80-х годов, которые славились не только в Одессе, тоже связаны, прежде всего, с именем Голубенко.

Успешно работал Георгий Андреевич и в последние годы. Так, буквально за месяц до его ухода в Доме клоунов состоялась премьера его только что написанной пьесы "Одесский подкидыш", а страницы журнала "Фонтан" украсили два его новых блестящих одесских рассказа.

Георгий Андреевич много лет был членом правления Центра реабилитации детей-инвалидов ("Дом с ангелом"), был членом Президентского совета Всемирного клуба одесситов.

Георгий Андреевич Голубенко, дорогой наш Гарик навсегда останется в нашей памяти.

Одесса его никогда не забудет.

Искренние соболезнования жене Танюше, сыну Денису, его близким и друзьям.

Президентский совет ВКО.

Художнице Тане Гончаренко

Но стало меньше в мире красоты с твоим уходом. Красота хрупка.

Зачем ушла так одиноко ты?

Куда же увела тебя тоска?

Знакомых много — не было друзей.

Любимых не было — лишь славы забытые.

Ушла ты в мир из линий и теней...

Забрала одиночество свое.

А в натюрмортах нет ни тени слов —

изысканность лишь там цветом цвела.

Как много принесли тебе цветов —

а на холстах тонули в зеркалах!

Промозглый день нас до костей пробрал:

осенняя шершаво-злая тишь...

А где-то там в пространстве ты летишь...

И нет ответов в сумерках зеркал.

Анна Божко-Стремнская.